

Е. В. Краснова

СТРУКТУРНО НЕМОТИВИРОВАННЫЕ КОМПОЗИТЫ В СОВРЕМЕННОМ ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Среди датских композитов выделяется довольно большая группа номинальных образований, в которых отсутствует непосредственная связь между первым и вторым элементами. Подобные композиты характеризуются различной степенью прозрачности и выводимости значения, так что в одних случаях можно легко реконструировать лежащие в основе слова связи между элементами, а в других это сделать гораздо сложнее. Количество таких композитов в современном языке постоянно растет, при этом распространение компактных и эллиптических форм, отражающих стремление к экономии языковых средств, характерно не только для заголовков газет. Подобные сложные слова можно с полным правом назвать «модными», поскольку они широко употребляются и в письменной, и в устной речи, а опорные члены этих композитов постоянно участвуют в создании новых окказиональных единиц. Не удивительно поэтому, что подобные единицы иногда называют «удобными словами» (*bekvemmelighedsord*)¹.

Номинальные единицы такого типа используются и в других германских языках, однако несмотря на их широкое распространение большинство исследователей по-прежнему уделяют внимание в основном тем эндоцентрическим композитам, в которых явно прослеживается связь между составляющими их элементами, в то время

¹ *Køneke M. Surdejsskålen og oliefluglene: Om komposita og «bekvemmelighedskomposition» // Danske studier. 1990. S. 159–162.*

как большая и несколько диффузная группа структурно немотивированных композитов часто остается без внимания².

Вместе с тем такие на первый взгляд структурно немотивированные композиты, несомненно, представляют интерес для исследователя не только потому, что они получают все большее распространение, но и потому, что восстановление потерянных связей между элементами, исследование более обобщенных формул объединения элементов в сложное слово и различных видов семантической компрессии в пределах сложного слова могут помочь при выявлении механизмов словосложения.

При рассмотрении структурно немотивированных номинальных композитов в современном датском языке обращает на себя внимание жанрово-стилистическая неоднородность таких сложных слов. Среди них встречаются достаточно частотные, которые прочно вошли в обиход и зафиксированы словарями, стилистически нейтральные, при создании которых не ставилась цель достижения определенного художественного эффекта. Однако наибольшая группа — это окказиональные композиты, которые создаются непосредственно в процессе разговора, с опорой на ситуативный контекст и становятся понятны адресату именно в рамках данного контекста. Использование таких немотивированных композитов характерно также для газетно-публицистического стиля, особенностями которого являются краткие и экспрессивные формулировки (*terrorcelle* «террористическая ячейка» — о нескольких молодых людях, арестованных по подозрению в подготовке террористического акта, *mælkekrig* — существительное, которое сначала использовалось применительно к ценовой войне производителей молочных продуктов, но зафиксировано и окказиональное употребление в отношении дискуссии о том, необходимо ли давать ли детям в детских садах молоко, *turistghetto* — о районах, предназначенных исключительно для тури-

² Следует оговориться, что здесь речь идет об исследованиях, посвященных не датскому, а другим германским языкам. На материале датского языка рассмотрение композитов ограничивается лишь кратким описанием в разделах грамматик и несколькими работами, посвященными частным проблемам. См.: *Hansen Aa. Moderne dansk. København, 1967; Jarvad P. Nye ord — hvorfor og hvordan? København, 1995; Danish: A Comprehensive Grammar. London; New York, 1995; Koneke M. 1) Søvnbesær & sovepiller: Om substantiviske komposita // Danske studier. 1989. S. 149–165; 2) Surdejsskålen og oliefuglene... S. 159–162; Nordlex-Projektet. Sammensatte substantiver i dansk. København, 1994; Ørsnes B. At danne og forstå sammensatte ord // Mål og Mæle. 1996. 3 november. S. 24–31.*

стов). Такие экспрессивные немотивированные композиты, часто содержащие в себе метафору, встречаются в заголовках статей и во многих случаях в последующем репродуцируются и в речи, во всяком случае, пока данная тема не потеряет актуальность.

Широко распространено мнение, что толкование структурно немотивированных композитов в отличие от структурно мотивированных представляет собой сложную задачу и не всегда возможно без соответствующего контекста, поскольку только широкий контекст может позволить восстановить опущенные смысловые элементы. Вместе с тем мы часто сталкиваемся с тем, что носители языка с легкостью интерпретируют такие слова даже без обращения к контексту.

Название «структурно немотивированные» достаточно условно, поскольку объединяет различные виды композитов лишь на основании одного признака — немотивированности, т. е. отсутствии прямых семантических и синтаксических связей между компонентами. Однако при ближайшем рассмотрении эта группа оказывается чрезвычайно неоднородной, поскольку опущенные элементы смысловой структуры очень разнообразны по объему и характеру.

На материале датского языка можно выделить 3 вида композитов, в которых отсутствует непосредственная связь между первым и вторым элементами. Наименее многочисленная, но наиболее простая с точки зрения интерпретации группа — эллиптические композиты. Такие линейные эллиптические сочетания слов, исходно трехчленные, в которых опущен один из элементов, подробно рассмотрены на материале английского языка в работе Б. Уоррен³. Подобные композиты исследователь называет неполными и выделяет три типа таких единиц — с эллипсисом первого, среднего и конечного элементов. Случаи опущения первого и конечного элементов в датском языке здесь не рассматриваются, поскольку они не приводят к разрыву смысловых связей между компонентами сложного слова. Однако при опущении среднего элемента могут возникнуть трудности в интерпретации композита. Так, например, в слове *frokostformat* «avis, der udkommer om formiddagen» (*frokost(avis)format*) опущен элемент «avis» и, таким образом, теряется непосредственная смысловая связь между элементами *frokost* и *format*, что, в частности, выражается в невозможности преобразовать такое

³ Warren B. *Semantic Patterns of Noun-noun Compounds* // *Acta Universitatis Gothoburgensis*, 1978. (= *Gothenburg Studies in English*. 41).

слово в словосочетание, в отличие от, например, сложного слова frokostpause («en pause til frokost»); существительное mobilselskab может быть понято как «мобильная компания», в то время как речь идет «компании, занимающейся продажей мобильных телефонов» (mobil(telefon)selskab), jordlov — это не просто закон о землепользовании, но закон о загрязнении земель (jord(forurenings)lov), другие эллиптические композиты более прозрачны (døgn(hjemme)pleje, mærke(vare)tøj).

Хотя эллипсис не является самым распространенным трансформационным приемом в датском словообразовании, многие из вошедших в словари слов на самом деле являются результатом опущения среднего элемента.

Во второй группе немотивированных композитов интерпретация во многом зависит от контекста. Такие слова часто допускают несколько трактовок, и потому декодирование их семантической структуры, как правило, невозможно без привлечения контекстуального материала, т. к. они содержательно зависимы от предыдущего или последующего контекста, т. е. имеют анафорическую или катафорическую зависимость от текста. Например, сложные слова такого типа, используемые в заголовках газет, в концентрированном виде представляют нам содержание последующей статьи, готовя нас к восприятию информации (terrorjagt, fyrværkerikatastrofe, hooliganregister, dankortbande, computerspor). А структурно немотивированные композиты, использованные в конце газетной статьи, представляют собой некое обобщение, фиксирование важных элементов и характеристик, содержащихся в тексте. Так, например, после изложения проблем, которые возникли в районе г. Колинга в связи с аварией на складе пиротехники, в тексте статьи появляются существительные fyrværkerigrund, fyrværkeriområde, а в конце статьи о преступлениях, связанных с банкоматами, — слово dankort-svindel, в статье, посвященной детям из неблагополучных семей, — композиты tvangsfjernelse, slægtsanbringelse.

При этом композит не всегда образуется из лексических единиц, которые входят непосредственно в предшествующий контекст в виде отдельных слов. Часто эти компоненты не актуализированы в контексте, а лишь подразумеваются, присутствуют в нем неявно.

Вместе с тем трудно согласиться с некоторыми исследователями, которые утверждают, что отсутствие прямых смысловых связей между компонентами композита отражает отсутствие таких связей

между предметами действительности⁴. Как правило, такая связь между предметами и явлениями действительности присутствует — иначе невозможно было бы образования сложного слова, значение которого, как правило, выводимо даже без контекстуальной соотнесенности. Вопрос только в том, каков характер этой связи и каким образом происходит «сцепление» элементов (или «опущение» промежуточных структур).

Принципиальные словообразовательные отличия от других структурно немотивированных композитов наблюдаются в третьей группе, представляющей собой сложные слова с конкретным существительным в качестве второго элемента. Речь идет о 60–70 существительных, наиболее частотными из которых являются: -apparat, -avis, -bus, -center, -effekt, -flade, -flugt, -funktion, -ghetto, -gruppe, -hus, -kløft, -konflikt, -område, -pakke, -plan, -pleje, -sag, -samfund, -situation, -syndrom. Эта большая и на первый взгляд достаточно разнородная группа имеет ряд общих особенностей: широкое распространение в последние годы, расширение значения или метафорический перенос второго элемента, образование целых рядов с рассматриваемыми вторыми элементами.

Создание новых форм на основе уже существующих в языке моделей — это процесс, радикально отличающийся от создания сложных слов на основе набора продуктивных правил. Иначе говоря, при создании окказионализмов на основе закономерностей сочетаемости и совместимости непосредственных составляющих используются совершенно другие механизмы, чем при создании окказионализмов по аналогии. При образовании композитов по аналогии носитель языка не столько пользуется определенными базисными структурами и системными связями, характерными для датского композита вообще, сколько подыскивает подходящую модель, хранящуюся у него в памяти. А при интерпретации окказионального композита с «модным» вторым компонентом носитель языка, очевидно, соотносит его определенными стереотипными моделями, имеющимися в его распоряжении.

Создание продуктивной модели может начаться с появления одного слова. Так, с начала 1950-х гг. под влиянием английского языка стало использоваться слово *kløft* в переносном значении «разрыв, пропасть, расхождение во взглядах». На основе одного из первых

⁴ Мешков О. Д. Семантические аспекты словосложения английского языка М., 1986. С. 104; *Køneke M. Surdejsskelen og oliefuglene...* S. 159–162.

композигов — generationskløft со значением «пропасть между поколениями, конфликт поколений» — возникло и продолжает возникать множество композигов (kulturkløft, kommunikationskløft, informationskløft, forståelseskløft, tillidskløft, troværdighedskløft, uddannelseskløft). При этом при создании этих композигов говорящий не столько создает новый композит (между частями сложного слова во многих случаях нет никакой видимой связи), сколько обращается к определенной модели. При интерпретации таких композигов также происходит не столько анализ взаимоотношения составляющих компонентов, сколько сопоставление с той или иной уже имеющейся в памяти моделью. Таким образом, возникают многочисленные образования, в которых наблюдается расширение значения второго элемента по сравнению с опорной лексемой.

Модели, к которым обращается носитель языка при создании композита или его интерпретации, для каждого опорного члена свои, но набор их ограничен. Например, для сложных слов со вторым элементом -konflikt (в котором наблюдается расширение значения при сравнении с исходной лексемой) можно выделить следующие пространственные модели существительных, где отсутствует прямая связь между первым и вторым элементами:

- первый компонент представляет собой метонимическое обозначение группы людей (buskonflikt, taxikonflikt — это производственный конфликт водителей автобусов и водителей такси);
- первый компонент представляет собой метонимическое обозначение людей и производства (havnekonflikt, skolekonflikt);
- во втором компоненте наблюдается расширение значения, так что -konflikt означает «несоответствие» (identitetskonflikt, målkonflikt).

В случае активного репродуцирования таких композигов возникает парадоксальная ситуация: при отсутствии непосредственных связей между элементами и, казалось бы, необходимой опоры на контекст эти слова часто оказываются более «предсказуемыми» и прозрачными, чем эндоцентрические композиты с элементами, которые находятся в непосредственном «контакте» и между которыми существуют непосредственные семантические отношения (время, место, причина и т. п.). Ведь отношения элементов структурно мотивированного композита в принципе могут быть чрезвычайно разнообразны, возможны и множественные толкования значения сложного слова: sommerbørn — это «дети, родившиеся летом» или «дети, которые приезжают летом», а kineserкурser — это «курсы для

китайцев» или «курсы, которые организуют китайцы»? Кроме того, одно и то же существительное вступает в самые разные отношения с первым компонентом: frokostpause «обеденный перерыв» — это перерыв, во время которого обедают, vinterpause — «перерыв на время зимы», а, например, træningpause — это «перерыв во время тренировки или тренировок».

Однако в образовании третьей группы структурно немотивированных композитов предшествующий контекст не принимает непосредственного участия, доминирующей моделью является образование по аналогии, а отношения элементов также выходят на второй план, поскольку их «сцепление» происходит на основе более или менее произвольного выбора.

Главным при интерпретации таких композитов оказывается не анализ взаимоотношения входящих в него элементов, а подбор определенных моделей, которые уже существуют в памяти носителя языка. Чем активнее и продуктивнее словообразовательная модель, тем легче она интерпретируется. Этот факт необходимо учитывать при изучении таких немотивированных композитов, которым как словам с не полностью представленной смысловой структурой зачастую отводится место на периферии словообразования.

Особый случай представляют собой композиты с именем собственным в качестве первого элемента, имеющие единичную предметную отнесенность. Для идентификации таких композитов необходимо обращение к контексту, однако существующие стереотипы, несомненно, помогают и в данном случае, так что носителю языка довольно легко их «раскодируют». Набор опорных членов в таких композитах достаточно ограничен (-krise, -sag, -debat, -affjre, -spørgsmål, -ballade, -konflikt, -effekt, -syndrom), при этом в качестве первого элемента может оказаться любое актуальное в настоящий момент собственное имя (Mary-effekt, Farum-sag, Muhammed-krise, Bush-syndrom).

Бурное развитие продуктивных моделей на основе расширения значения, метафорического и метонимического переноса — благоприятного материала для развития словообразования по аналогии, несомненно, объясняется выросшей за последние годы ролью СМИ и широким использованием Интернета. Наличие «открытых» моделей композитов облегчает создание и интерпретацию множества окказиональных образований. Даже самый необычный окказионализм имеет словообразовательную аналогию в языковой системе: каждое окказиональное слово в структурном и семантическом пла-

не напоминает знакомый узуальный словообразовательный образец. Принадлежность окказионализма к сети парадигматических и синтагматических отношений облегчает его понимание и способствует его логически правильной интерпретации в любом контексте. Процессы толкования и интерпретации происходят при обращении к уже имеющимся в распоряжении носителя языка моделям.

E. V. Krasnova

KOMPOSITA UDEN DIREKTE FORBINDELSE MELLEM FØRSTE OG ANDET LED

I artiklen beskrives der komposita, der ikke har direkte forbindelse mellem første og andet led. Selv om disse komposita i princippet kan have mange fortolkninger, kan de i de fleste tilfælde nemt identificeres af sprogbrugere, da det vigtigste er tilhørsforholdet til en bestemt produktive model.